

ВСТРЕЧА ДЛЯ ВАС

Улица Чехова. Шесть часов вечера. Перед зданием Московского театра имени Ленинского комсомола толпится народ. До начала спектакля еще час, но уже спрашивают лишний билетик. На рекламном щите неброская надпись: «Сегодня — «Диктатура совести». Завтра — «Диктатура совести»».

Вилеты распроданы на много дней вперед. Театр разговаривает со зрителем языком высокой и хлесткой публицистики — о наболевшем, о социальном, о том, что волнует нас всех. О диктатуре совести.

Из резко затормозившего «жигуленка» стремительно возникла рослая фигура актера Александра Абдулова.

— Пришли пораньше? — спрашивает.

— Да, изучаю обстановку.

сти. Думаю, что эксперимент благотворно сказывается и на художественном качестве спектаклей. Теперь зарплата каждого из нас напрямую зависит от весомости творческого вклада. А значит артист получает возможность целиком сосредоточиться на работе в своем театре. Он может себе позволить отказаться от плохого киносценария, от работы, к которой не лежит душа. Но все же главное в эксперименте то, что репертуарная политика определяется не указаниями свыше, а нашим художественным советом. Творческие люди, а не чиновники решают, о чем нужно сегодня говорить со зрителем.

Я завидую сегодняшним подросткам, их сознание формируется в пору, когда не существует «закрытых тем». Мне

ни зрителей, а мы, актеры, привыкли зрителями дорожить.

Ни в искусстве, ни в спорте мы, исполнители, не имеем права допускать, чтобы зритель уходил от нас, что называется, с «холодным носом». Должно оставаться последствие, чтобы вспоминалось увиденное, чтобы захотелось прийти к нам вновь. Как вновь и вновь люди идут на Евгения Леонova и на Марадону.

— Не следует ли из этого, что эстетическое воспитание для спортсмена становится не менее важным, чем физическое для актера?

— Я об этом тоже думал. И как-то поделился своими соображениями на этот счет с одним известным футбольным тренером. Но он сказал: «Нет, им это вообще не нужно». Уверен, что он не прав. Я близко

Александр АБДУЛОВ:

ВЫСШИЙ СМЫСЛ И ГРЫ

— Разговор о чем пойдет? — на ходу энергично поинтересовался Абдулов.

— Сочинение почти на вольную тему.

Мы проходим по закулисным помещениям театра. Мелькают знакомые лица актеров — Евгений Леонов, Олег Янковский, Александр Збруев, Николай Скоробогатов, Борис Чунаев. Они тоже заняты в сегодняшнем спектакле. Минуем большую комнату с тремя теннисными столами. На всех трех идет сражение — играют «на вылет», азартно.

— Настольный теннис — второй по популярности вид спорта в нашем театре. После футбола, — говорит Абдулов.

— А вы, насколько мне известно, капитан футбольной команды — чемпиона Москвы среди театров?

— Верно. Команда наша называется «Авось». Название пришло из спектакля «Юнона» и «Авось». Спектакль хорошо известен, и всем понятно: «Авось» — значит, команда из Ленкома.

В актерском буфете на стене выведено краской: «Авось» — чемпион.

— Название может быть понятно двусмысленно, — замечаю я.

— В этом есть некоторая автоирония, но в целом к футболу у нас отношение серьезное, — отвечает Абдулов, рассматривая на столике чашки с кофе. — Первую финальную игру с театром им. В. Маяковского мы проиграли с разницей в один мяч. Ко второй встрече настроились весьма решительно. Договорились: играем собранно, но с улыбкой, непринужденно. Ну, как мы могли проиграть?! — восклицает он. — Столько тренировались! После спектаклей к десяти вечера ездили в спартаковский манеж.

Я обращаю внимание Абдулова на большую фанерную копилку, закрепленную на буфетной стойке. На ней надпись: на постройку собственного стадиона.

— В театре любят шутить, — улыбается Абдулов. — На стадион нам, конечно, не собрать, но в целом, с переходом театра на экономический эксперимент, у коллектива солидно выросли финансовые возможности.

тридцать три года, поколение моих ровесников, увы, видело множество примеров несоответствия слов и дел. Поэтому перестройка для меня — это прежде всего процесс глубокого осмысления процессов, происходящих в стране.

Честно говоря, не очень доверяю людям, которые заявляют, что вот еще вчера они-де чего-то недопонимали, ну, уж зато сегодня — все стало ясно, и все перестроилось. Мы знаем, как нелегко преодолевать сложившиеся годами шаблоны мышления, привычку «делать, как все», нелегко по-новому взглянуть на многое — экономику, культуру, нравственность. И на спортивную деятельность тоже. Вот, скажем, в вашей газете недавно велась полемика об экономической перестройке в футбольном хозяйстве. Как много, оказалось, здесь проблем.

— Действительно, и футбольным специалистам, и экономистам работы еще предстоит непростой край...

— Мне кажется, что пример театрального эксперимента может в некотором роде помочь и специалистам футбола. На мой взгляд, и здесь труд человека должен вознаграждаться соответственно его творческому вкладу. В труде не может быть уравниловки. Мы к этому приходим повсюду. И еще, замечу, победить в эксперименте, по всей видимости, удастся лишь тем командам, что будут представлять собой коллективы настоящих футбольных артистов, «звезд». Такой командой запомнилось «Торпедо» шестидесятых годов, тбилиское «Динамо» конца семидесятых, таковы нынешние динамовцы Киева. Нужно упомянуть здесь и московский «Спартак».

— Вы его болельщик?

— Нет, болею я только за сборную страны и за свой «Авось». Но во втором случае я 1/3 болельщика, а игрок.

— Вы переживаете, когда терпите поражения на футбольном поле?

— Да. Очень. Иначе зачем тогда вообще выходить на футбольное поле? Мы равнодушные матчи и в высшей лиге видим в достатке. На наши встречи собираются сот-

знаком с выдающимися спортсменами Владимиром Вереме-евым, Александром Мальцевым, Давидом Кипиани. Это люди высокой культуры, интересующиеся проблемами театра, литературы. Люди, воспринимающие жизнь объемно. Но ведь и на спортивной арене они смотрелись артистами, солистами. Не думаю, что это случайное сочетание. Впрочем, стоит ли, говоря о культуре, разделять людей на спортсменов и не спортсменов. Какая разница — разве может современный человек прозябать в невежестве? А те, кто пренебрегает физическим воспитанием? Могут ли эти люди называться сегодня культурными? По-моему, нет.

— Мы много говорили о футболе, но, насколько мне известно, в юности вы серьезно занимались и фехтованием, даже выполнили норматив кандидата в мастера спорта?

— Я с детства мечтал стать актером. И в секцию фехтования пришел прежде всего потому, что представлял себя в будущем на сцене в образе Д'Артаньяна. Знаменитого мускетера мне сыграть пока что не довелось, но в других спектаклях умение фехтовать пригодилось не раз.

...По внутреннему радио объявляют, что до начала спектакля остается пять минут. Мы договариваемся продолжить беседу в антракте. Но... первый акт не закончился традиционным занавесом — микрофон со сцены перешел в зал, актеры и зрители продолжили разговор в антракте. Таков сегодня политический театр, где финал действия — не всегда последняя реплика, придуманная драматургом.

К концу антракта мне все же удается «поймать» Абдулова возле гримерной. Он жестом показывает, что времени у него в обрез, и, прощаясь, приглашает: «Приходите завтра вечером в «Олимпийский», посмотрите, как футбольная сборная московских театров играет с вашими коллегами — командой журналистов».

На следующий день мы встретились с Александром Абдуловым на футбольном поле — как соперники.

Беседу вел
К. ТИНОВИЦКИЙ.

